

УЧИТЕЛЬНИЦА БЕДНАЯ МОЯ

*Если от многого берешь немножко,
Это не кража, а просто делёжка.*

Джанни Родари

Она всегда выглядела безупречно: открытый ясный взгляд, благородная седина, волосы, зачёсанные назад, подчёркивали высокий лоб, а в глазах – глубокая печаль. Одевалась скромно, но с тем неподражаемым вкусом, который можно увидеть только у очень пожилых учителей или медиков. Располагающая внешность, спокойные плавные жесты... Валентина Ивановна уже на пенсии, но, чтобы выжить, преподаёт русский язык и литературу в школе, иногда подменяет заболевших коллег. Живёт с двумя дочерьми, старшая – инвалид, аутизм плюс ДЦП, полный паралич нижних конечностей и частичный – рук, постоянный гипертонус и произвольные движения головой и руками, обслуживать себя не может абсолютно, её возят на коляске, а младшая учится в лицее, помогает матери ухаживать за сестрой. На одной стене дома у Валентины Ивановны висит множество грамот, дипломов и благодарностей: «Отличнику народного образования», «Учителю высшей категории», «Победителю областного конкурса «Учитель года», «Финалисту всероссийского конкурса «Современный учитель» и так далее...

Но вот уже пару лет она просто... берёт (ну не поворачивается язык сказать «ворует») в супермаркетах продукты и, похоже, достигла в этом деле совершенства...

Она наливает мне чай, накладывает в вазочку клубничное варенье, и спокойно, без лишних эмоций начинает рассказывать.

– Я очень много думаю о сложившейся ситуации. Давно уже меня мучает бессонница, очень хочу спать, ложусь, но уснуть не могу, в голове крутятся мысли, не дают расслабиться. Живу в постоянном напряжении. Нет, это не так называемые «муки совести». С точки зрения высокой морали я не могу себя упрекнуть ни в чём... Я не обидела ребёнка, не отняла хлеб у стариков... Конечно, безгрешных людей не бывает... Вот Вы – писатель, «инженер человеческих душ», как говорится... Наверно, встречались с разными людьми... Да, люди разные... Я – вот такая... Не лучше и не хуже других. В церковь я не хожу, но, оказывается, человеку иногда нужно что-то напоподобие исповеди. Я буду предельно откровенна, иначе просто нет смысла в этой беседе, если говорить что-то выборочное, дозированно-цензурированное...

Только, если вдруг решите писать об этом, очень прошу не называть моего имени и не описывать те факты, по которым меня можно было бы опознать, вычислить... По сути, мои личные данные действительно не имеют абсолютно никакого значения. На моём месте может оказаться каждый. И, думаю, что я не одна такая. Никто ведь не представляет себе, на что будет способен, если наконец-то поймёт, что у него нет другого выхода.

Жизнь научила меня относиться ко всему философски: все наши трудности и испытания – это возможность чему-нибудь научиться». Да, и фраза, приписываемая Коко Шанель, «Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее»... Иногда в сложной ситуации люди открываются совершенно с неожиданной стороны. Ещё пару лет назад я даже гипотетически представить не могла, что решусь на такое. Меня все знакомые всегда считали принципиальной, слишком прямолинейной и бескомпромиссной. Я работала, по сути, не ради зарплаты, премий и грамот... Смолоду горела энтузиазмом, «миссия учителя – священна», сеяла «разумное, доброе, вечное»... А если без этого пафоса – просто честно выполняла свою работу. Часто по собственной инициативе оставалась после занятий, чтобы подтянуть отстающих учеников. Естественно, за такое «репетиторство» никто не платил, это же был мой класс, мои ученики... И это нормально, когда душа болит за ребёнка, что он что-то не понял, не усвоил, и я старалась объяснить, чтобы «дошло» до всех. Педагог должен отыскать и разбудить таланты в ребёнке. Я, понимаете, ещё той советской закалки, когда работаешь «за идею», на результат. Если твои ученики достигли вершин, значит, ты состоялся как Учитель... Но увы, даже самому идейному педагогу надо во что-то одеваться, надо кормить семью... Слишком поздно я поняла, наивная дура, дожившая до седых волос, что никому нет дела до других, все думают только о своём собственном благополучии, никто никому ничего не принесёт на блюдечке, и когда ты что-то недополучаешь, это надо просто брать самой. Брать то, что тебе положено, что недодали.

С точки зрения морали и совести, до сегодняшнего дня я не могла себя упрекнуть ни в чём. Я до сих пор не нашла ответа на свой вопрос: почему у меня, всецело отдававшей себя работе, служению детям, сейчас нет возможности купить нужные лекарства для дочери-инвалида, которой по закону положены бесплатные медикаменты, массаж, физиотерапия, но на деле получить это нереально? У меня у самой – букет болезней. Про отдых даже в местном санатории я вообще молчу. Цены – сказочные. За всю свою жизнь я не смогла ничего скопить. Какие там накопления, когда все силы уходили только на выживание? Значит, всё это время я жила неправильно? Что-то делала не так?

Когда я развелась с мужем, я взвалила на себя всю нагрузку по обеспечению семьи. Развелась я с ним по причине его пьянства, он к тому времени уже несколько лет не работал, перебивался случайными подработками, которые уходили целиком на его выпивку, помощи мне от него не было никакой, только попреки, что я «родила урод». Будто я не от него её родила... Так что – развод принёс мне только облегчение. Понятно, что ни о каких алиментах и речи не шло. Так вот и кручусь, стараюсь взять побольше часов, то было классное руководство, сейчас уже не тяну его, да и денег оно приносило мало, и есть ещё прибавка к пенсии за выслугу лет, педстаж, категорию... Всегда трудилась на износ: уходила из дома в полседьмого, возвращалась поздно вечером, полночи проверяла тетради, без сил падала в кровать, а вскоре уже звонил будильник... Крутилась, как белка в колесе.

На старшую дочь получаю мизерную пенсию, у младшей в лицее стипендия, но сами понимаете, что из всех этих денег нужно было, помимо затрат на питание и оплату жилья, выделять часть на лечение старшей дочери, да одежда-обувь нам троим...

Мы научились питаться чуть ли не «подножным кормом». Своей дачи или садового участка у нас нет, но летом мы с младшей дочерью ходим в лес за грибами-ягодами, в заброшенных садах собираем одичавшие яблоки и сливы... Ну и экономим постоянно на всем. Одну курицу растягиваем примерно на месяц, отрезая по малюсенькому кусочку на суп, для запаха, чтобы просто «числилось». Я беру куриные шеи, они очень дешёвые, их собакам берут, а бульон из них неплохой получается, и если их долго варить, мясо становится очень мягким и его можно обсасывать с косточек. Наверно, продавцы из ближних магазинов думают, что я держу собаку, постоянно выискиваю то шеи, то головы, то куриные ноги, знаете, такие с когтями, они на холодец хорошо идут, там протеины, и дочке полезно... Ладно, это можно рассказывать бесконечно, как мы научились выживать... Однажды, выискивая акционные продукты, я увидела, как старушка в магазине взяла творожный сырок с полки, отвернулась в уголок и стала его украдкой есть. Тогда я была просто шокирована этим зрелищем, мне было и жалко эту старушку, и стыдно за неё, что она, по сути, украла этот сырок, и стыдно за наше государство, в котором старики, тяжело проработавшие всю жизнь, вынуждены голодать, и вдруг я представила себя на её месте. Иногда, чтобы не хотелось есть на работе и не тратить деньги на обед в школьной столовой, я проглатывала ложку сухого желатина и запивала его большим количеством воды. Желатин разбухал в желудке, в животе уже не урчало и голода я не испытывала. Пока однажды не загремела в стационар – мой организм дал серьёзный сбой. Сразу стало отказывать сердце, почки, желудок и поджелудочная, начали отниматься ноги... Я лежала на больничной койке и думала, как жить дальше, чтобы не оставить дочерей сиротами. Почему моя семья оказалась за чертой бедности, если я изо дня в день, из года в год добросовестно выполняю свою работу?

Мои ученики поступают в институты и университеты, защищают кандидатские и докторские, они приходят с цветами ко мне домой в День учителя и делятся со мной своими успехами. Значит, я всё же не зря отдавала им свое время и силы, свою душу. Но я в то же время думаю, что зря они истратили столько денег на цветы, лучше бы круп, постного масла и сахара на эти деньги купить... или даже такое голодное остроумие прорезалось: «Лучший букет – это курица»...

Почему добросовестная работа учителя, врача, инженера не оплачивается в размере той же депутатской зарплаты? Я всё думала, что дождусь когда-то законного благополучия, как профессионал в своём деле. Разве не это главное в работе? Оказалось, нет. Сниматься в ежедневных шоу, в глупеньких сериалах, петь, участвовать в «фабрике звёзд» и «Дом-2», продавать рекламу, принимать бредовые законы, оказывается, много важнее, чем учить детей, лечить людей, строить дома и развивать производство...

Ворочаясь на больничной койке, я вдруг поняла, что окружающая меня действительность не изменится никогда. Это было тяжёлое открытие, и я перестала мечтать. Возможно, Вы подумаете, что я не в себе: какие ещё мечтания, когда пора уже о душе думать... В народе ещё говорится, прошу прощения: «Ему до смертинки – три пердинки, а всё туда

же!» А я скажу: в любом возрасте можно мечтать и надеяться на лучшую жизнь. Вот так вот надеешься-надеешься, и раз! – накрывает вдруг беззастыдливое отчаяние. Я понимала, что моя старшая дочь никогда не выздоровеет, что моё здоровье будет только ухудшаться, и что с ней будет, когда меня не станет? Что будет с младшей, которая ещё совсем ребёнок?

Я брела по улице после выписки, понимая, что ничего не понимаю. Вопрос, как жить дальше, долбил мозг, словно капля камень. В кошельке у меня было около 600 рублей, я решила зайти в магазин и назло этой мрачной беспросветности устроить вечером фруктовый ужин по случаю моего возвращения.

В супермаркете возле дома знакомый охранник улыбчиво поздоровался и почему-то спросил, всё ли у меня в порядке. Наверное, у меня был жалкий вид, но я вдруг обрадовалась знакомому лицу. Я очень хорошо запомнила тот день. Положила пакет с больничными вещами в ячейку камеры хранения, набрала всего по чуть-чуть, даже корзинку на входе брать не стала. Поэтому что-то держала в руках, что-то уместила в дамской сумочке. Так захотелось оливкового масла и сыра, и я позволила себе взять маленький кусочек и бутылочку в 200 граммов. Просто, чтобы ощутить вкус. Настроение поднялось.

В очереди к кассе встретила знакомую, с которой давно не виделась. Не переставая разговаривать, расплатились и вышли на улицу, и только дома я обнаружила, что от похода в магазин у меня ещё и сдача приличная осталась. Стала проверять, оказалось, что сыр и оливковое масло я просто забыла вытащить из сумочки на кассе, то есть заплатила только за фрукты. Первым порывом было вернуться в магазин и отдать деньги. Но в тот же момент я ощутила, как по всему организму разливается какое-то сладкое, непривычное, не испытанное ранее чувство удовлетворения. Как будто я получила подарок, будто кто-то там наверху, следящий за справедливостью, сам положил кусочек сыра и оливковое масло в мою сумочку. Я посмотрела в зеркало и увидела на лице блаженную улыбку. Это день врезался мне в память, я помню его в деталях. Ведь именно с него всё и началось...

Валентина Ивановна посмотрела на меня в упор, чтобы выяснить, понимаю я её или осуждаю. Но кто я такая, чтобы её осуждать... И она продолжила.

– А потом мне надо было менять счётчик. Пришёл знакомый электрик, огляделся в моих «хоромах», да и знал он, как я живу, и говорит: «Я тебе, Валентина, вот что подскажу: ты клади к счётчику неодимовый магнит, чтобы счётчик не крутился, но смотри, чтоб не засекли, а то оштрафуют. И экономно будет». Я удивилась: «Это на что ж ты меня толкаешь? На воровство?!» А он ответил: «Да разве ж это воровство? Это экономия. Там, наверху-то, миллиарды в свой карман «экономят», а ты – копейки, но и они тебе с девочками не лишние. Да и пользы стране от тебя больше, чем от тех паразитов. Забыла разве, что богатым в России становится тот, кто ворует у государства быстрее, чем оно у него». И в этот момент я опять вспомнила про сыр и масло из супермаркета.

На следующий день после уроков я пошла в магазин с непонятным мне до конца чувством азарта. Ещё утром, заранее удивляясь своим тайным намерениям, я взяла свою

старую сумку повместительнее. И мой «улов» в тот день оказался посерьёзнее: шоколадные конфеты, пачка сливочного масла, сыр пармезан и банка шпротов. В сумочке ещё осталось много места, она выглядела, как пустая. На кассе я оплатила овсяные хлопья, перловку, пакет молока и пачку соли.

Ну и понеслось... Я стала испытывать в душе какую-то особую приподнятость от походов в магазин, что-то похожее на «бабочек в животе» или будто изнутри поднимались пузырьки шампанского... Я подсчитывала условную «прибыль», то есть, сколько я экономлю, радовалась, что могу угостить своих девчонок вкусеньким, вспоминала сама давно забытые вкусы, и однажды даже позволила себе купить с зарплаты польские духи «Быть может». Я боялась, что они тоже стали «ненастоящие», как, например, шоколадка «Алёнка» – ведь совсем теперь не тот вкус, который был раньше, но духи меня не разочаровали, может, и не такие стойкие, как были во времена моей молодости, но запах остался тот же. Такие воспоминания накатили, просто приступ ностальгии был... С этим моим новым ремеслом, увлечением или пороком, как Вам будет угодно, моя бесцветная и безвкусная жизнь заиграла новыми красками. Вам, наверное, не понять, какие чувства я испытывала, словами это непередаваемо. Иногда мне казалось, что я киноактриса, играющая роль удачливой воровки...

Я тщательно подбирала одежду, чтобы быть незаметной, примеряла на себя новые психологические образы... Один из них – женщина, перехитрившая обстоятельства, смелая и дерзкая, артистичная и гибкая, бесстрашная авантюристка... Это стало моим вторым «я», которое вдруг стало проявлять характер, жить своей жизнью и которого со временем я даже стала побаиваться.

Я с достоинством бросала в сумку дорогие продукты, а «другая я», честная учительница, говорила: «Боже, что же ты творишь!..» Но та я, бесшабашная, отвечала: «Йессс, я сделала всех!» и мысленно показывала миру неприличный жест. Какой Я-настоящая уж точно никак не могла показать даже мысленно. Внутри меня на уровне подсознания шёл какой-то процесс. Я пыталась его объяснить логически. Я абсолютно не испытывала угрызений совести, по крайней мере, в первое время моей «двойной жизни». Выходя из школы, я меняла очки, надевала под пальто жилетку с карманами. Сначала немного опасалась, что меня схватят за руку, но время шло, и я даже удивлялась, что остаюсь незамеченной, вынося продукты на приличные суммы. Но потом поняла, что мастером можно быть не только в учительской работе. «Ловкость рук...» Вы не поверите, эта удача опьяняла. Я выбирала компактные деликатесы, ведь раздутая сумка может обратить на себя внимание со всеми вытекающими последствиями...

Вы можете подумать, что у меня «поехала крыша» на почве переутомления и стрессов. Не знаю... Но это был такой драйв, утром я приходила в школу, как обычно, вела уроки, но внутри я была уже другая. У меня появилась тайная жизнь. Я никогда не изменяла бывшему мужу, но мне кажется, что это похоже на то, как если бы у меня любовник. Вот я вижу на своих уроках горящие глаза детей, я им интересна как педагог и человек, знаю,

что ученики меня любят, я рассказываю им о Льве Толстом, который учил любить то, что у тебя есть, и не желать другого. Конечно, ребятам и в голову не может прийти мысль, чем я занимаюсь в магазинах. Но кое-кто из моих учеников, уверена, меня бы оценил. Они б сказали восхищенно: «Валентина Ивановна, ну Вы даёте! Круто!» – прямо представляю эту картину. Это мои любимые хулиганы – очень способные мальчишки, только лентяи отъявленные. Умудряются платы электрические собирать на моих уроках, но я и их заставила полюбить гуманитарные науки.

Моя младшая со временем заметила перемены в питании. Старшая всегда ест без аппетита, машинально открывает рот, жуёт, глотает... Но и ей намного полезнее питаться хорошими продуктами, а не одной пустой кашей. На вопросы младшей я отшучивалась: мол, оценили-зауважали, наконец, зарплату прибавили.

Я попалась через полгода. И это была полностью моя вина, а не высокий профессионализм охранников. Просто я, наверное, слишком обнаглела и потеряла бдительность. Это был огромный магазин в незнакомом мне месте, я не учла этот момент.

Расплачиваясь за покупки, я не заметила, что на выходе меня уже ждут. Когда получила чек и направилась к дверям, всё сразу поняла, как разведчик, обнаруживший провал. «Вы ничего не забыли оплатить?» – задал мне вопрос человек в чёрном, глядя на меня в упор. «Возможно, могла что-то и забыть...» – спокойно сказала я, испуга совсем не было, я будто смотрела на себя со стороны. Меня повели в подсобку, окружили. Там были возмущённые сотрудники зала и службы безопасности. Я подумала, что сейчас они меня побьют, но они попросили выложить всё из сумочки на стол. Я спокойно выкладывала всё, что было в сумке, они ахали и говорили: «Самое лучшее ведь выбрала, губа не дура!» Я не спорила с ними, молчала, а мысленно хотела уже поскорее выбраться на улицу, надеясь, что всё же не вызовут полицию, которой меня пугали.

Потом меня повели на кассу и содрали за все эти товары трёхкратную цену. На этот случай у меня была припасена кредитная карта. Я её заранее оформила и активировала, если вдруг случится нештатная ситуация. И вот она случилась. Я всегда старалась просчитывать варианты от лучшего до худшего и подстраховаться. С тех пор я стала тщательней изучать расположение продуктов и выходов разных гипермаркетов, незаметно наблюдать за сотрудниками, готовиться. Стала интересоваться принципом установки камер, работой службы охраны магазинов. Сегодня я уже могу написать пособие об эффективности походов в магазин, как выжить за счёт своей смекалки и ловкости рук. У меня есть свои секреты и наработки. Когда захожу в супермаркет, сразу оцениваю обстановку, смотрю, какие глаза у охраны – сонные или внимательные. Если это незнакомый продуктовый, всегда проверяю, есть ли на выходе рамка на штрихкод. Если есть, можно прихватить только немаркированный товар, который на развес. На кассах тоже бывают рамки, но, как правило, они отключены. В потоке посетителей, конечно, действовать проще. Но и в полупустом зале есть свои плюсы: охрана тогда вялая, кто в телефон втихаря уставится, кто просто задумается...

А уж свой ближний магазин я знаю вдоль и поперёк. Сколько же я там оставила денег, покупая продукты! И вдруг подумалось: если бы мне там предлагали с утра горячий кофе – просто так, за то, что я годами хожу именно к ним, у меня бы рука не поднялась что-то взять. Потому что человеческое отношение я ценю очень высоко. Но получается наоборот. Покупателей в магазинах уже трясёт от лживых ценников, когда цена продукта на полке существенно ниже той, что пробивают на кассе. А все эти истории с фиктивными позициями в чеках, когда тебе пробивают то, что ты не покупал!..

Была свидетелем ситуации, когда на выходе из магазина разразился скандал. Кассир, пользуясь тем, что человек закупил большой объём товаров, незаметно скинула под кассу оплаченные пачку масла и креветки. Да тут весь магазин разнесёшь от такой вопиющей наглости! Мне врзалось в память, как однажды, ещё до моих кардинальных перемен личности, я зашла во фруктовый отдел, а навстречу мне шёл работник зала с полной тележкой, набитой подпортившимися фруктами. Они потеряли качество, потому что долго лежали – их не купили из-за высокой цены. Я спросила этого сотрудника, можно ли мне немного взять на переработку, пирожков испечь. А он говорит: «Нельзя, у нас инструкция: только на выброс!». Мне однажды посоветовали караулить просрочку на заднем дворе супермаркета. Пришла я к назначенному времени, а там уже толпа бабулек и потёртых мужичков стоит, ждут, когда к мусорным бакам тележки с просроченными продуктами вывезут. Вывезли, и что тут началось! Я увидела страшнейшее унижение человеческого достоинства: кто-то сразу запрыгнул в мусорный контейнер с рюкзаком, чтобы побольше урвать, люди стали друг друга отталкивать, пихаться, хватать за волосы и за одежду в борьбе за еду сомнительного качества. А сотрудники магазина снимали это на телефон и ржали.

Я тогда ушла ни с чем: во-первых, просто не смогла полезть в эту свару, во-вторых, получила стресс и задумалась – почему людей довели до такого унижения? Ведь не война же...

Настанет скоро время, и меня отправят на заслуженный отдых. А если сказать честнее – просто выставят с работы. Выкинут, выпнут – доживать на нищенскую пенсию. И мне придётся до конца своих дней есть украдкой сырки и булочки в магазинах, как той бабушке, пока не прибьют, или стоять с протянутой рукой у метро. И мои дипломы, грамоты, благодарности даже в туалете не пригодятся, потому что они жёсткие и глянцевые, в отличие от туалетной бумаги. Вы знаете, я ещё иногда совершаю поступки в стиле Робин Гуда. Если удаётся урвать в гипермаркете побольше хорошего сыра или конфет, я иду на станцию. Там обычно сидят знакомые мне старушки: кто с грибами-ягодами или соленьями-вареньями, кто с носками-варежками. Я дарю им эти куски сыра или шоколадки, и они счастливы. Лучше я хоть немного порадую этих бабулек, чем буду поднимать благосостояние владельцев магазина.

Я допила чай, мы стали прощаться, и я спросила:

– А всё же, почему Вы решили мне это рассказать?

– Если б мне несколько лет назад сказали, какой я стану сегодня, я, наверно, упала бы в обморок. Ну, или просто не поверила бы. Но я думаю, что я не одна такая. Иногда я встречаю в магазинах «коллег по ремеслу», пару раз видела, как люди попадают, пытаюсь вынести продукты... А сколько людей на старости лет остаются никому не нужными, выброшенными, как мусор, потому, что они «морально устарели» – они же умели только честно трудиться, а оказалось, права народная мудрость, что «трудом праведным не наживёшь палат каменных». Возможно, моя история поможет кому-то лучше разобраться в себе, и человек найдёт другой, лучший способ выживания, чем мой. Может быть, это кому-то поможет стать лучше... Или не совершить ошибок... Знаете, какой самый страшный случай был в моей «криминальной практике»? Нет, это не тогда, когда меня «взяли на выходе». Просто я в тот магазин больше не хожу, и всё. А самый тяжёлый шок я пережила, когда, бродя между стеллажей с продуктами, я вдруг увидела одну из своих учениц, тихую и скромную девочку-восьмиклассницу, запихивавшую в свою школьную сумку продукты. Я хотела остаться незамеченной и тихонько отойти за угол, но она подняла глаза и увидела меня. Она поняла, что я видела, как она прячет в сумку сливочное масло и йогурт. Какой стыд и ужас были в её глазах! Я ей тихо сказала: «Идём отсюда!» Взяла её за руку, мы прошли через кассу, где я расплатилась за пакет молока и батон, и вышли на улицу. Бедная девочка просто не дышала – она думала, что о её позоре узнает вся школа и милиция. Мы присели на ближайшую лавочку и я спросила: «Ты знаешь, что будет, когда ты попадёшься? А ты попадёшься, можешь не сомневаться». Она молчала, опустив голову. Я продолжала: «Тебя отправят в колонию для несовершеннолетних. Да, ненадолго, может, всего на год. Но, во-первых, там явно не пионерский лагерь. Во-вторых, даже если ты там не сломаешься и выдержишь, этот факт биографии будет клеймом на всю жизнь. В институт ты поступить не сможешь, на нормальную работу устроиться тоже. Разве стоит оно того? Ответь мне – для чего?» Девочка, не поднимая глаз, ответила: «У меня мама давно болеет, работать не может, денег нет, и братика из садика высадили за неуплату. Раньше он хоть там ел, а теперь совсем плохо стало. Дома уже только пшёнка осталась, и то кончается». Я спросила: «А ты сама подрабатывать пробовала?» Оказалось, что её мать работала на рынке, продавала фрукты-овощи с лотка, на работе сильно простыла, слегла с воспалением лёгких, девочка договорилась с хозяином, что будет работать вместо матери в выходные и после уроков, отработала почти месяц, и он её выгнал, не заплатив, сказал, что у неё недостача. И сказал, что и мать её у него больше работать не будет, раз прогуливает. Но девочка руки не опустила, продолжала искать выход, узнала, что на почте сотрудница в декрет уходит, обещали со следующего месяца её взять, ей уже 14, подрабатывать почтальоном можно. «Лена, – говорю, – почему ты ко мне не подошла, не сказала, что у вас такая ситуация?» А она только плечами пожимает. Ну, я пообещала с директором поговорить насчёт бесплатного питания ей в школе, посоветовала, чтобы мать, как поправится, сразу на биржу встала и пособие по безработице оформила, а девочка поднимает на меня глаза и шепчет еле слышно: «Валентина Ивановна, а Вы правда никому не расскажете?» Ну что

тут скажешь... Вручила я ей свой пакет с булкой хлеба и бутылкой молока, говорю: «Ступай домой, свари молочную кашу, накорми маму с братиком. И держись, трудные времена всё равно пройдут». Хорошо, что девочка не видела, как я шоколадку и банку шпрот за пару минут до нашей встречи в сумку сунула...

Понимаете, вот потому я и решила Вас рассказать и свою историю, и поделиться своими мыслями. Возможно, я слабая, глупая и морально устаревшая для того, чтобы «спасать мир», но я всё же хочу хоть что-то сделать. Ведь даже если это поможет хоть одному человеку, значит, наверно, это всё не зря, как Вы думаете?..

ДВУХЖЕЛТКОВЫЕ ЯЙЦА

Жили Пироговы в доме тётки Гали, сама она перебралась в гостинку с центральным отоплением, горячей водой и туалетом, а в свою заметно прогнившую избушку пустила бесквартирного племянника Андрея с семьёй. Но огородом и банькой-развалюшкой продолжала пользоваться, особенно когда летом горячую воду отключали, и в стайках держала двух поросят, кур и гусей.

Городская Светка, до замужества жившая в благоустроенной квартире, выходя до сортира типа «скворечник», находящегося на огороде, частенько вляпывалась в гусиные какахи и материлась, оттирая галоши о траву, и желала гусям лопнуть.

Но там были и свои плюсы: можно было, например, сорвать зелёного лука и укропа на тёткином огороде или поесть с дерева ирги, росшей за туалетом, которую тётка не любила и собирать ленилась.

Светка не любила выходные. Хоть и зарплату не платили уже с полгода, но на заводе, где работали Светка с мужем, можно было хоть пообедать в столовке «под запись» да булку вкусного заводского хлеба взять, тоже в счёт зарплаты. Хоть талоны на хлеб уже отменили, но всё равно часто было не на что его купить. Вот и в пятницу после работы, забрав Алёнку из садика, сразу сели пить чай с принесённым с завода свежим пышным хлебом, и незаметно втроём съели с солью всю буханку, на утро не осталось. В чулане хранился большой мешок сухарей, кто знает, сколько лет он там пролежал, но не заплесневел, жуки не завелись, есть сухари было можно. Решили сделать тюрю. Картошки не было, пришлось делать из одних сухарей. Светка сходила на огород, аккуратно сорвала с тёткиной грядки несколько пёрышек лука, накрошила зелень в залитые кипятком сухари, попробовала, посолила... Плеснула немного подсолнечного масла. С картошкой, конечно, было бы вкуснее, но и так сойдёт... Поели.

Вечером решили пойти в гости к дяде Коле. Его жена работала в больничной столовой и носила домой отходы, отходов было много, и муж приходил встречать ее по вечерам, чтобы помочь дотащить, поэтому они держали по три-четыре поросенка, имели большой огород, дядя Коля ходил в лес за грибами, заготавливали разные соленья-варе-

ня, жили справно. Вот Светка с Андреем одели Алёнку и отправились в гости. В надежде, что их покормят ужином, они сидели в комнате с телевизором, которую называли «залой», смотрели «Поле чудес», Алёнка шёпотом спрашивала мать, дадут ли им покушать, но хозяйка тётя Нина занималась на кухне своими делами, дядя Коля то присаживался к телевизору с гостями, то отходил туда-сюда, а угощать ужином семью Пироговых явно никто не собирался. Называется – пришли гости глотать кости! Уже закончилось «Поле чудес», началась новостная передача, на улице стемнело, голодная Алёнка уже клевала носом, пришлось прощаться и идти домой – действительно «несолоно хлебавши». Андрей нёс на руках сонную дочку, Светка, сжав зубы, молча тащилась следом.

Дома раздели спящую Алёнку, уложили её в кровать, молча попили чаю с сухарями и легли спать.

На следующий день, не захотев пустого чая, потому что сахар тоже кончился, Андрей начал придирается по пустякам к жене, психанул и ушёл куда-то.

Алёнка играла с куклой, возила её на собаке-каталке. Когда хлопнула дверь, она оторвалась от своего занятия и спросила:

– Мама, а куда папа ушёл?

– На нём волки в сортир уехали! – буркнула Светка.

Алёнка задумалась, потом выдала:

– А почему они пешком не ходят? У них туалет далеко?

– Тьфу на тебя! Пристала со своими волками! Вот холера, дождь начинается! Хотела до речки сходить, травы для похлёбки набрать.

– А когда дождь, волки мокрые... – задумчиво проговорила Алёнка.

– Сиди дома, я быстро! – Светка накинула висевшую у двери телогрейку, повязала платок и заторопилась к реке. Там росла сныть, а у забора за огородом – сочные побеги борщевика (это уже потом, когда появится интернет, там будут писать всякие ужасики про страшно ядовитый борщевик какого-то Сосновского, а в то время Светка варила с ним очень даже неплохой суп).

Нарвав уже под дождём охапку сныти и борщевика, она увидела у забора четыре целых бутылки и одну разбитую. Захватив целые подмышку, вернулась в дом, посадила Алёнку перебирать траву от соринки, а сама вымыла бутылки в бочке во дворе, поставил их на крыльцо и замочила в кастрюльке остатки гороха для супа. Алёнка подошла и заглянула в кастрюлю:

– Суп будет?

– Да, сейчас дождь кончится, сходим до магазина за хлебом.

– Ура! С хлебом! – обрадовалась дочка.

Дождь закончился, Светка с Алёнкой надели резиновые сапожки и пошли сдавать бутылки. В ближнем не принимали, пришлось идти аж до центра. Зато там сразу взяли булку ещё тёплого хлеба и пачку маргарина. Алёнка стояла у витрины с пряниками и печеньем и любовалась на них.

– Мама, а когда у тебя денежки будут, ты мне купишь такого печенья?

– Куплю. Пошли домой.

Алёнка никогда не истерила в магазине, как другие дети, не вопила: «Купи-купи-купи!», катаясь по полу и суча ногами. Она верила, что как только у матери появятся деньги, она купит дочери всё, что обещала.

Дома Светка поставила на плитку кастрюльку с горохом, отрезала голоднущей дочери хрустящую корку от буханки, намазала её маргарином и посолила:

– Жуй как следует, не глотай, как собака, а то живот заболит!

Алёнка быстро сгрызла корочку и уставилась на кастрюлю:

– Мама, а скоро супчик сварится? Очень кушать хочется...

– Подожди, горох долго варится, жёсткий ещё.

– А больше вообще ничего нету?

– Сейчас опять весь хлеб сожрём – что потом с чаем есть будем? Сухари? Их лучше с супом, а с чаем хлеба свежего поесть. Потерпи. Я пойду лука сорву на огороде.

Светка надела галоши и пошла было за луком, но вспомнила, что в курятнике должны быть яйца. То ли тётка Галя так хорошо кормила своих кур, то ли у них порода была какая-то особая, но несли они крупнющие яйца с двумя желтками, раза в два крупнее магазинных. В курятнике на соломе лежало аж восемь яиц. Светка, прислушиваясь, не идёт ли кто, протянула руку, опасаясь, что какая-нибудь злобная курица её клюнет, быстро схватила одно и сунула в карман. Дома сняла с плитки кастрюлю с горохом, отставила её в сторону, накрыв крышкой, положила в эмалированную кружку яйцо, налила воды и поставила вариться. Сама пошла на огород, сорвала несколько пёрышек лука, стараясь срывать в разных местах грядки, чтобы тётка не заметила, и вернулась в дом. Алёнка стояла на табуретке и гипнотизировала взглядом варящееся яйцо.

– Мама, а оно скоро сварится?

– Если ты хочешь всмятку, то быстро, а если вкрутую, то подольше.

– Я хочу хоть как. А ты?

– А я не хочу яйцо, я дождусь супа. – Светка взяла тряпкой кружку, слила горячую воду и плеснула из ведра холодной, поставила кастрюлю с горохом обратно на плитку. Очистила яйцо, положила на блюдечко, отрезала кусок хлеба и дала дочке. Пока она резала сныть и борщевик для супа, Алёнка съела яйцо с хлебом и вылизала блюдце:

– Мама, смотри, я как котик! И блюдечко мыть не надо!

Сбрякала щеколда на воротах – пришла тётка Галя с ведром кормить скотину. Они вообще ходили два раза в день, один раз – тётка Галя, второй – её вечно пьяный сын или вечно недовольная сноха. Поставив ведро на крылечке, тётка зашла в избу, поздоровалась и спросила, дома ли её племянник.

Светка ответила, что ушёл куда-то.

– Бабушка Галя, а на папке волки в лес уехали! – встряла Алёнка.

– Да ты чо? Ну надо же! Глико-ся!..

– Правда-правда! А ещё мама у тебя яичко скрала! Вкууусное!

Светка от стыда чуть сквозь пол не провалилась, а тётка Галя дала Алёнке сливовую карамельку, погладила её по белобрысой макушке и молча пошла управляться со скотиной.

Алёнка, увидев схватившуюся за голову мать, подбежала к ней, обняла:

– Mamочка, прости, не надо было говорить, да? Хочешь конфетку?

– Нет, не хочу. Сама ешь.

Алёнка тоже не притронулась к карамельке, положила её на стол и сидела у окошка, глядя на дорогу, по которой проезжали редкие машины.

Тётка Галя управилась с делами и ушла, Светка доварила суп, покрошила на досочке зелёный лук, который сразу прикрыла полотенцем, когда пришла тётка, – хоть и четыре пёрышка всего сорвала, но всё равно неудобно, да ещё и яйцо это... Накрыла кастрюлю крышкой и тоже села к окну, обняла Алёнку, уткнулась носом в её тёплую макушку. Есть не хотелось. На душе было паршиво. Как уже надоело это постоянное безденежье! Вечно нечего есть. И это ещё лето! А что будет зимой, когда не будет ни сныти, ни борщевика, ни зелени с огорода? Снег жрать будем? Будыли от полыни грызть? А ещё и печку топить чем-то надо будет, тут на еду-то денег нет, не то что на дрова...

Живут же как-то другие люди, почему у нас-то ничего не получается?..

Сбрякала щеколда на воротах, муж явился... Вошёл, как ни в чём не бывало, принюхался:

– Чем-то вкусным пахнет?

– Суп сварила. Будешь?

Светка ссыпала нарезанный лук в кастрюлю, размешала половником, налила всем по тарелке супа, положила на стол маргарин и хлеб.

– Алёнка тётке Гале сказала, что я у неё яйцо ukrала, – вздохнула Светка.

Андрей сморщился невольнo, но продолжал молча хлебать суп.

А когда Светка пошла перед сном в туалет, проходя мимо курятника, она увидела на его двери здоровенный амбарный замок.

А завтра был понедельник, и когда Светка после работы зашла за Алёнкой в садик, та показала ей в кармашке бело-голубого платья... котлету:

– Mamочка, это тебе! Только платье немного испачкалось.

Ну да, ещё бы оно не испачкалось – котлета-то была с рыже-коричневой подливой... Но как можно было ругать ребёнка, съевшего в обед одно пюре, а так вкусно пахнущую котлету оставившего для мамы!

Платье, конечно, не отстиралось, пришлось отпаривать карман и делать на этом месте аппликацию, закрывать пятно цветастым ситцевым сердцем.

Прошло лето, наступила осень. Зарплату на заводе так и не платили. Светка на работе напечатала на принтере ценников для коммерческого магазина, в просторечии – комка,

забрала Алёнку из садика и вместе с ней понесла эти ценники хозяйну комка Самвелу Кобеляну. Чего только у него в магазинчике не было! На до смешного маленькой площади были набиты битком и продукты, и алкоголь, и косметика, и одежда с обувью... Алёнка стояла посреди магазинчика с открытым ртом, пока мать отдавала ценники и получала за них деньги. Денег было много. Увидев их в руках матери, Алёнка прошептала:

– Мама, мы теперь богатые?

– Ну, не то что богатые, но сейчас можем пойти и купить тебе всё, что ты хотела.

И они пошли в магазин и купили конфет, печенья, колбасы, сыра, масла, хлеба, молока, макарон, кетчупа, майонеза и даже большой арбуз. Как только они дотащили из центра до дома три полных пакета продуктов и этот арбузище!

Когда пришел домой Андрей, дочка встретила его, радостно прыгая и хлопая в ладошки:

– Папка, мы разбогатели! Смотри, сколько мы всего купили! У нас теперь всё есть!

Он поморщился:

– Дров бы на зиму купить! – и уселся за стол.

– И картошки бы... – добавила Светка. – Может, дядя Коля продаст сколько-нибудь?

У них же огород большой, ты бы спросил...

Через несколько дней, когда купленные продукты уже закончились, Светка увидела в надвигающихся сумерках, как мимо их дома идут старухи в сторону полей. Они шли с ведрами поодиночке и по двое. Любопытно ей стало, вышла она на улицу, а там как раз две соседские бабки навстречу. Светка поздоровалась и спросила, куда это все двинулись.

– Так картошку подбирать на совхозном поле! Там её выкопали копалкой, да и бросили, вот люди и собирают.

Светка тут же подхватила: то, что надо! Сказала Алёнке, что она до поля за картошкой, быстро надела штаны, телогрейку, платок повязала по-старушечьи, и с ведром кинулась догонять соседок – сама-то она по темноте точно не нашла бы это поле. Впереди маячили светлые пятна платков, идти оказалось не очень далеко, в лунном свете на чёрной земле белели и мелкие, и довольно крупные клубни. Все разбрелись по полю и стали собирать картошку в ведра и мешки. Светка старалась искать клубни покрупнее, но и мелкие брала, их можно в мундире сварить и почистить или в печке запечь прямо с кожурой... Не заметила, как остальные ушли дальше в темноте и она осталась одна. Ну, ничего, в какой стороне дом – понятно, не страшно заблудиться... И тут она увидела приближающуюся к ней мужскую фигуру. Пока она соображала, чем лучше отбиваться, ведром с картошкой или ногами, услышала голос мужа:

– Это ты, что ли?

– Я. Я тут почти ведро уже набрала.

Быстро добрали вместе ведро с горкой, Андрей подхватил его и двинулись к дому. Светка жалела, что не взяла второе ведро или мешок, можно было бы набрать больше,

пока есть возможность. Вдруг темноту прорезал свет фар. Андрей бросил ведро и кинулся к придорожным кустам. Светка только присела. Грузовик проехал мимо неё по дороге, она подбирала рассыпавшуюся картошку обратно в ведро, муж ругался, что из-за неё ещё попадутся на краже совхозной картошки, она оправдывалась, что там на поле полно народу собирает, жрать-то что-то надо... Так, переругиваясь, дошли до дома, предвкушая, как сварят сейчас картошки и наедятся вместе с Алёнкой. Но дочка уже спала, и ужинали без неё.

А дяде Коле жена не разрешила продать Пироговым картошки, сказала, что самим мало, и он дал просто так целое ведро, только сказал, чтоб жене его и тётке Гале про это не говорили.

На следующий год тётка выделила семье племянника клочок земли под картошку. Да, самый плохенький, конечно, она ж не дура, хорошую-то землю раздавать... Молодые этот клочок вскопали и посадили выпрошенное у родни на посадку ведро мелкой картошки, а Светка ещё умудрилась найти место под лук, а за сараем, где уж точно картошка бы не выросла, устроить длинную гряду под огурцы. Для этого ей пришлось несколько раз сходить с ведром (и Алёнка помогала с маленьким ведерком) на пастбище за коровьими лепёшками и накопать хорошей земли у речки, зато огуречник получился замечательный, посаженные сразу в землю семена дружно взошли и уже дали четвёртый листик. Светка ещё поливала их самодельным удобрением: собирала во дворе помёт, оставленный курами, и настаивала его в бочке с водой, правда, помёта было мало, тётка выпускала кур совсем ненадолго, а уходя, загоняла в курятник и вешала замок. Но у хозяйственной Светки всё шло в дело. Оставалось только дожждаться урожая.

ХЛАМ

Купили мы с мужем дом в деревне. Продавала его молодая пара, мол, родителям-горожанам дача не нужна, а бабушка умерла год назад... После смерти старушки никто в дом не наведывался, только вот продать приехали.

Спрашиваем:

– Будете забирать вещи? Помочь упаковать?

А они в ответ:

– Да зачем нам этот хлам, мы иконы забрали, а остальное можете выкинуть.

Муж на стену посмотрел, где светлели квадратики от икон.

– А фотографии что же не взяли?

Со стен деревенской избы смотрели женщины, мужчины, дети... Целая династия. Раньше любили стены фотографиями украшать. Я помню, к бабушке приедешь, а у неё новая фотография в рамочке появилась, моя и сестрёнки.

– Я, – улыбается бабушка, – с утра проснусь, родителям поклон, мужу поцелуй, детям улыбку, вам подмигну – вот и день начался!..

Когда бабушки не стало, мы добавили её фотографию на стенку и теперь, приезжая в родительскую квартиру, всегда утром бабушке шлём воздушный поцелуй. И кажется, что в доме сразу пахнет пирогами и топлёным молоком. И чувствуется бабушкино присутствие. Дедушку мы никогда не видели, он в войну погиб, но его фотография висит в центре, бабушка много про него рассказывала, а мы в это время на снимок смотрели и нам казалось, что дедушка с нами сидит, только было странно, что он молодой, а бабушка уже старенькая. А теперь вот её увеличенная фотография висит рядом с ним...

Для меня эти выцветшие снимки настолько ценные, что если бы стоял выбор, что забрать, то я бы, несомненно, забрала фотографии. А тут их не просто одиноко оставили на стене и в альбомах, но и цинично записали в хлам. Ну, не будешь же воспитывать взрослых чужих людей, хозяин-барин...

После оформления покупки мы принялись за уборку, и знаете... Рука не поднялась выкинуть вещи этой женщины, которая жила для своих детей и внуков, а они её просто бросили...

Откуда я это знаю? Она им письма писала. Сначала писала и отправляла, они возвращались без ответа. А потом перестала отправлять и три аккуратные стопочки любви и нежности так и покоились в комод. Каюсь, прочитала... И я поняла, почему она их не отправила. Побоялась, что затеряются, а тут они в сохранности, она думала что хоть после её смерти они всё же прочитают... А в письмах целая история, про годы жизни в войну, про её родителей, бабушек, дедушек и пра-пра... – она пересказывала то, что ей поведала её бабушка, чтобы не умерли семейные ценности, чтобы помнили. Как же выкинуть такое?

– Давай отвезём это её детям? – предложила я мужу. – Такое нельзя выкидывать!

– Думаешь, они лучше внуков? – с сомнением протянул муж. – Ни разу, вон, не появились... И на письма не отвечали.

– Может, они старенькие, больные, мало ли...

– Я им позвоню, спрошу.

Через внуков узнали телефон и услышали бодрый женский голос:

– Ой, да выкиньте вы всё! Она нам эти письма пачками слала, мы даже не читали в последнее время! Ей делать там нечего было, вот она и развлекалась...

Муж даже не дослушал, трубку бросил. Говорит:

– Вот стояла бы она сейчас рядом, придушил бы!.. А знаешь что? Ты же писатель, вот и переложи эти письма на рассказы!

– А вдруг они потом предъявят...

– Да не, они, я уверен, и книжки-то такие не читают! – хмыкнул муж. – Но я ради тебя съезжу к... этим... тьфу, возьму у них письменное разрешение.

И он действительно съездил и оформил всё нотариально. А я тем временем добралась до подполья. Знаете, в деревенских домах прямо из избы спускаешься вниз, в подпол,

и там прохладно так, вроде погреба. А там банок с соленьями, вареньями... А на каждой баночке бумажка приклеена с выцветшей надписью: «Ванятке его любимые грузди» – Ванятка умер десять лет назад, так и не пригодилась баночка; «Сонечке лисички»; «Солёные огурцы для Анатолия»; «Малина лесная для Сашеньки»...

Всего у Любови Петровны было шестеро детей. Все они умерли раньше неё: инфаркты, инсульты и несчастные случаи, – кроме младшей дочки-последышка, которая записала жизнь матери в хлам...

А она ждала, что дети приедут с внуками и правнуками, заботливо катала банки, с любовью подписывала... Последние банки с грибами датированы прошлым годом, ей на тот момент было 94 года. А она в лес ходила, чтобы внучкам грибов-ягод насобирать.